

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АСТРАХАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.П. ВОЛЫНСКОГО С БУДДИЙСКОЙ ОБЩИНОЙ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА В 20-е гг. XVIII в.

А.А. Курапов
(Россия, Астрахань)

Аннотация. В статье проанализирована политическая деятельность астраханского губернатора А.П. Волынского в Калмыцком ханстве в 20-е гг. XVIII в., его взаимодействие с отдельными группировками клерикальной элиты калмыков. Автор приходит к выводу, что буддийская община, игравшая значительную роль в ханстве, активно начинает участвовать в региональных политических процессах благодаря оценке ее политического потенциала губернатором А.П. Волынским

Annotation. A political activity of Astrakhan governor A.P. Volynsky in Kalmyk khanate in the 20-th years of the XVIII century, his interaction with separate groupings of clerical elite of Kalmyks are analyzed in the article. The author comes to the conclusion, that the Buddhist community playing a significant role in Khanate, actively starts to participate in regional political processes due to an estimation of its political potential by governor A.P. Volynsky.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, буддийская община, элита, посольство, наместник.

Key words: Kalmyk khanate, a Buddhist community, elite, embassy, deputy.

Комплексная, всесторонняя оценка значения личности в истории предполагает разносторонний, системный анализ не только его политической деятельности, но и мотивации, эволюции подходов к принятию решения, взглядов.

Артемий Петрович Волынский (1689–1740) – выдающийся государственный деятель, первый астраханский губернатор (1719–1725), кабинет-министр. Важным направлением внутренней политики всех астраханских губернаторов в первой половине XVIII в. являлось управление Калмыцким ханством – значительной административно-территориальной единицей Астраханской губернии со своим социально-экономическим и религиозным укладом.

Калмыцкое ханство – кочевое государственное образование, существовавшее на территории Астраханского края с 50-х гг. XVII в. по 1771 г. Территорию ханства определяли границы калмыцких кочевий: на севере – по Большому Иргису до Саратова; на юге – вдоль р. Кумы, по побережью Каспия; на востоке – до Яицкого казачьего и Гурьева городков; на западе – до междуречья Дона и Маньча. Самые ранние свидетельства о численности населения ханства относятся к 1733 г. По данным российских чиновников, в ханстве насчитывалось до 300–320 тыс. чел (65 тыс. кибиток). Главой государства являлся хан из рода торгоутов, обладавший единоличной наследственной властью. Официально признанной религией калмыков в XVII в. становится буддизм.

Рассматриваемый в данной статье период – один из важнейших и интереснейших в истории буддийской общины Калмыцкого ханства. Пройдя период формирования в конце XVII в., именно в 20–30-е гг. XVIII в., община начинает активно влиять на внутреннюю политику, реализуя социально-политическую концепцию буддизма. Наличие централизованной светской власти с определенными задачами внутренней и внешней политики оставляло буддийской общине вспомогательную роль легитимирующей основы формировавшейся государственности.

Первые сведения об активной политической деятельности калмыцкого духовенства относятся к сентябрю 1723 г. – периоду очередного обострения внутривнутриполитических противоречий в Калмыцком ханстве, эпицентром которых становятся взаимоотношения хана Аюки и владельца Досанга. В 1713 г. Аюка передает ханскую печать Далай-ламы старшему сыну – Чакдоржапу и объявляет его наследником. Смерть Чакдоржапа 19 февраля 1722 г. вызывает начало феодальной раздробленности в ханстве. Передача Чакдоржапом печати и прав наследования своему старшему сыну Досангу становится поводом для внутривнутриполитических конфликтов, вызванных неприятием ханом Аюкой фигуры Досанга в качестве наследника. Аюка хотел привести к власти своего старшего сына – Церен-Дондука. Активно участвуя в переговорном процессе, Шакур-лама выступал не только главой ханского посольства, но и в качестве независимой политической фигуры, реализуя собственные политические задачи. Задачей сентябрьского посольства 1723 г. была организация личной встречи хана и Досанга. В этой связи высокий авторитет ламы был использован как гарантия личной безопасности Досанга на будущих переговорах [6, л. 1]. Активная политическая позиция Шакур-ламы позволила избежать дальнейшего обострения политических противоречий в ханстве. Выступив гарантом безопасности Досанга, Шакур-лама предотвратил прямое военное столкновение [5, с. 39].

Смерть хана Аюки 19 февраля 1724 г. вновь активизировала внутривнутриполитическую борьбу в ханстве. Центробежные тенденции, усилившиеся к концу правления Аюки, но сдерживаемые жестким политическим курсом хана и активным содействием российского правительства, в значительной степени усилились в 1724 г. [12, с. 88]. Буддийские священнослужители активно вступили во внутривнутриполитическую борьбу, зачастую поддерживая противоборствующие группировки светской элиты. Результатом подобной борьбы должно было стать выдвижение одного из владельцев на роль главы ханства. При отсутствии официального наследника хана Аюки, активном вмешательстве российской администрации в вопрос о престолонаследии роль буддийского духовенства и идеологии как одного из легитимирующих факторов значительно возрастает. В качестве претендентов на ханский титул после смерти Аюки выступали представители торгоутской династии: Церен-Дондук, Досанг, Доржи Назаров, Дондук-Омбо и Баксадай Доржи.

Первоначально, по инструкции Коллегии иностранных дел, астраханскому губернатору А.П. Волынскому было рекомендовано объявить ханом владельца Доржи Назарова [4, л. 29]. Однако политическая ситуация в ханстве и активная позиция главы национальной буддийской общины меняют планы правительства.

Решение вопроса о наследнике было достаточно принципиальным для иерархов буддийской общины ханства. Традиционно тяготеющая к сильному политическому центру в условиях политической раздробленности и непредсказуемости результата политической борьбы буддийская община Калмыцкого ханства переживала определенный раскол. Наиболее показателен конфликт внутри правящей группировки старшего сына Аюки – Церен-Дондука и вдовы Дарма-Балы, пользовавшихся поддержкой Шакур-ламы и второго лица в калмыцкой духовной иерархии, члена национального суда Зарго – Намка-гелюнга. В период борьбы за политическое главенство в Калмыцком ханстве наиболее активно проявила себя группировка Шакур-ламы. После смерти хана Аюки Шакур-лама становится одной из самых активных и влиятельных политических фигур ханства. А.В. Цюрюмов отмечает раскол бывшего ханского окружения в 1724 г. на две группировки: с одной стороны, Церен-Дондук, Шакур-лама, зайсанг Яман, и Дарма-Бала, Дондук-Омбо – с другой. Шакур-лама становится наиболее политически активной фигурой группировки, поддерживавшей Церен-Дондука, обеспечивая в то же время взаимодействие с российской администрацией. Политическую активность первосвященника можно объяснить как его личными качествами, так и задачами, поставленными перед ним иерархами Гелуг. Сам Шакур-лама называл причиной этого политического завещание хана Аюки: «...хан поручил мне в призрение сына своего Церен-Дондука и в поправление улусы свои» [4, л. 29].

Политическая деятельность Шакур-ламы, ставшая с 1724 г. для него основной, отражена в официальных источниках. Возглавляемая признанным иерархом буддийской общины и опиравшаяся на политический вес Шакур-ламы группировка буддийского духовенства проводила последовательную политику, ориентированную на внутривосточное сближение с российской администрацией при сохранении собственных, отличных от российских внешнеполитических целей.

В решении основных внутривосточных проблем группировка Шакур-ламы и губернатор в основном находили понимание. Уже в феврале 1724 г. Шакур-лама и зайсанг Яман выступили против планов большинства калмыцких владельцев откочевать за Кубань, совершив откочевку внутрь укрепленной российскими войсками «Царицынской линии» [5, с. 24]. Подобная политическая позиция совпадала с планами А.П. Волынского о предотвращении возможного перехода крупной группировки калмыцких владельцев под крымский протекторат и консолидации калмыцкого общества для выбора хана. В ситуации поиска администрацией союзников среди калмыцкой знати подобная ориентация Шакур-ламы вызвала ответные дипломатические ходы.

В марте 1724 г. произошла личная встреча Шакур-ламы с представителем губернатора в ханстве – полковником В.П. Беклемишевым, в ходе которой глава духовенства подтвердил стратегическую ориентацию на союз с российским правительством, сообщив о планах владельцев откочевать за р. Куму [8, с. 169]. Подобная информация об опасности откочевки была подтверждена позднее из другого источника (зайсанга Билютки), подтвердившего также ориентацию Шакур-ламы на сохранение стабильности в Калмыцком ханстве [6, л. 29]. Во время опасного сближения глав двух крупнейших политических группировок – ханской вдовы Дарма Балы и владельца Дондук-Омбо – именно Шакур-лама предотвратил этот опасный союз. При объединении данных улусов опасность западной откочевки стала бы более реальной. Союз двух представителей калмыцкой знати в перспективе значительно ослаблял политические позиции главы духовенства, затрудняя тем самым реализацию внешнеполитической программы Шакур-ламы. Обладая правом контроля над брачно-семейными отношениями, Шакур-лама, по версии В.М. Бакунина, выступил активным противником подобного союза [5, с. 41].

В ситуации политической раздробленности и необходимости поиска политической силы, способной объединить ханство, астраханский губернатор А.П. Волынский делает ставку на объединение двух традиционных для монгольской политической традиции начал: светской и духовной элиты, при ориентации на личный контакт с последней. С 1724 г. именно к Шакур-ламе обращается российское правительство в решении внутривосточных проблем в Калмыцком ханстве. Как писал А.П. Волынский, «...во всех владельцах худая надежда, только главный их духовный Шакур-лама являет великую верность и усердие к Его Императорскому Величеству» [7, л. 95]. Опасаясь давления на политически слабого Церен-Дондука Дондук-Омбо и Дарма-Балы (крымская и кубанская партии), губернатор предлагает наиболее адекватный выход из сложившейся ситуации: политическую изоляцию последних и их нейтрализацию пророссийски настроенным духовенством в лице Шакур-ламы [6, л. 34]. Личная характеристика главы духовенства в значительной степени объясняет ориентацию российской администрации: «...главный их лама, или учитель, zelo ласков, и сказывают, что человек он обходительный и умный» [6, л. 35].

По мнению А.П. Волынского, одной из основных задач политики российской стороны в Калмыцком ханстве было установление конструктивных контактов с духовенством: «...понеже они в Калмыцком народе zelo сильны, тако весьма надобно, чтобы они его, господина губернатора, партии были» [6, л. 35 об.]. Политический союз с буддийским духовенством ханства позволил бы не только реализовать насущные политические задачи, но и способствовал успешной миссионерской деятельности. Определение политических союзников активизировало переговорный процесс между представителями российской администрации и калмыцким духовенством.

Одной из задач представителей А.П. Волынского, направленных в калмыцкие улусы в июле 1724 г., становится встреча с Шакур-ламой. Именно главе духовенства

поручается задача ведения переговоров с лидерами оппозиции (Дондук-Омбо) для претворения их переправы за Дон до выборов хана [6, л. 53]. О безрезультативности подобных переговоров вследствие наличия внутренней оппозиции свидетельствуют новые контакты верховного ламы с С.П. Шахматовым. Политическое сотрудничество главы калмыцкого духовенства в 20–30-е гг. XVIII в. с российской администрацией при наличии у Шакур-ламы стремлений к отпочковке под протекторат Тибета можно объяснить несколькими причинами, основная – поиск главой общины наиболее сильного союзника в условиях раздробленности в Калмыцком ханстве в целях сохранения внутривнутриполитической стабильности для реализации более глобальных внешнеполитических задач. Астраханский губернатор и буддийская община на определенном этапе имели общих противников – Дарма-Балу, Дондук-Омбо, и общую цель – привести к власти Церен-Дондука. Слабый лидер был выгоден для российской администрации, стремившейся политически ослабить Калмыцкое ханство и усилить пророссийски настроенную часть светской элиты. При ослаблении верхушки светской элиты для главы буддийского духовенства ханства открывалась возможность контролировать ситуацию, создавая условия для реализации внешнеполитической доктрины. Таким образом, во временном союзе буддийской общины Калмыцкого ханства и российской администрации каждая из сторон стремилась реализовать определенные цели.

Кроме того, спецификой тактики буддизма как наднациональной идеологии являлось определенное тяготение к политическому центру того или иного региона. В условиях кризиса Калмыцкого ханства в 20–30-е гг. XVIII в. подобной политической силой, способной коренным образом повлиять на ситуацию в регионе, являлась российская администрация. В ситуации, когда заключение союза с наиболее влиятельной светской группировкой региона Дондук-Омбо становится невозможным из-за внутренних противоречий в монашеской общине (в первую очередь, стремление к политическому усилению группировки духовенства улуса Дондук-Омбо во главе с Джимбо-Джамсо), глава национального духовенства целенаправленно идет на союз с российским правительством.

Оставаясь в рамках буддийской социально-политической традиции, Шакур-лама осуществляет попытку заключения союза «двух законов». При встрече с А.П. Вольнским 24 июля 1724 г. майоры Р.С. Тургенев и В.П. Беклемишев доложили, что Шакур-лама предложил закрепить отношения с российским правительством особым договором – грамотой: «...он вступается как бы не в свои дела, так как особой грамоты прислано не было» [6, л. 56]. Было бы ошибкой утверждать, что Шакур-лама планировал заключение союза «двух законов» в классической форме, принятой в монгольской традиции с XIII в., когда светский правитель, принимая буддизм, оказывал покровительство определенной буддийской школе. Социально-политические условия Российской империи в 20-е гг. XVIII в. отличались от реалий Монголии и Китая в XIII–XVII вв. Статус и цели сторон, реализуемые в результате подписания подобного договора, не вписывались в рамки системы «двух законов». В условиях миссионерской деятельности православной церкви в Калмыцком ханстве в XVIII в. буддийская община не могла получить особый социально-политический и конфессиональный статус в регионе. В данном случае Шакур-лама, выступая от лица одной из группировок буддийского духовенства, ориентированной на союз с российской администрацией, использовал более известную для него форму взаимодействия – союз светского правителя и духовного иерарха. При этих условиях возможные привилегии и дивиденды предназначались группировке Шакур-ламы, а не всей буддийской общины, достаточно неоднородной по своим политическим ориентирам.

Для продолжения плодотворных политических контактов с Шакур-ламой А.П. Вольнский подделывает правительственную грамоту, идя навстречу первосвященнику и реализуя собственный тезис о необходимости союза с калмыцким духовенством. Грамота Шакур-ламе с одобрением его деятельности была сопровождена подарками (10 камок, 25 аршин сукна). Сумма подарков, полученных Шакур-ламой от российского правительства, значительно превышала сумму, затраченную на подарки Дарма-Бале и Церен-Дондуку [3, л. 1].

Данный пример свидетельствует о последовательной реализации на региональном уровне задач по сближению с духовенством. Грамота Шакур-ламе как характерный пример политики А.П. Волынского в Калмыцком ханстве не содержит формулировок, фиксирующих особый политический статус главы духовенства. Вместе с тем подобный документ, снабженный печатью и необходимыми атрибутами, определял статус Шакур-ламы как официального союзника российского правительства. Гарантом сохранения данного статуса являлось «общее с тем оным господином губернатором согласие...», т.е. реализация совместных внутривластных задач [6, л. 61]. Взаимодействие А.П. Волынского и Шакур-ламы многими историками расценивалось как конструктивная инициатива астраханского губернатора и удачный выход из сложной политической ситуации [10, с. 249; 11, с. 354].

На наш взгляд, причиной подобного контакта была взаимная заинтересованность сторон. Июльский договор губернатора и главы духовенства получил свою реализацию в августе-сентябре 1724 г., в ходе подготовки к выборам наместника ханства. В условиях обострения внутривластной обстановки в ханстве в июле-августе 1724 г., наличия угрозы отпочковки группировки Дондука-Омбо и Дарма-Балы союз Шакур-ламы с российской администрацией, на наш взгляд, сыграл решающую роль в выходе из политического кризиса.

К помощи нового политического союзника первым прибегает именно глава калмыцкого духовенства. Так, группировка Шакур-ламы в 1724 г. неоднократно обращалась к губернатору за военной помощью, спасая улусы от нападений оппозиционных владельцев [1, л. 6]. Сам факт наличия угрозы для жизни и экономического благосостояния главы буддийского духовенства, теоретически защищенного авторитетом общины, свидетельствует об обострении противоречий и антагонизме группировок светской и клерикальной элит.

Отсутствие политической стабильности у группировки Шакур-ламы в Калмыцком ханстве являлось дополнительным стимулом для закрепления союза с российской администрацией. В августе-сентябре 1724 г. переписка Шакур-ламы и губернатора была достаточно активной, в основном в ней решались политические и социально-экономические вопросы жизни ханства.

В начале августа 1724 г. окончательно складывается система взаимодействия Шакур-ламы с представителями российской администрации, сохранившаяся до 1735 г. Личные встречи главы духовенства с представителями российской администрации значительно сокращались, передача информации осуществлялась через служителей – манджи Шакур-ламы – Батура-Омбо, Дархана-Омбо, Иши. С российской стороны связь осуществлялась через представителей администрации в ханстве (В.П. Беклемишев, С.П. Шахматов, В.М. Бакунин, А. Иванов).

Определяя приоритетные направления политики российского правительства на момент избрания нового главы ханства (август-сентябрь 1724 г.), А.П. Волынский продолжает активно заниматься поиском авторитетных союзников в среде духовенства. Заключив договор с верховным ламой, губернатор в августе 1724 г. встречается и вступает в переписку с другой значительной фигурой в буддийской иерархии Калмыцкого ханства – эмчи-гелюнгом хана Аюки – Уязыковым. Эмчи достаточно осторожно шел на контакт с российским правительством, стремясь сохранить нейтралитет при расколе ханства. В ответ на просьбу губернатора о содействии в организации съезда калмыцких владельцев эмчи-гелюнг выдвинул требование о гарантии их безопасности со стороны российской администрации [9, с. 244]. В ответном письме А.П. Волынский подробно изложил основные задачи правительственной политики в отношении Калмыцкого ханства. Что двигало А.П. Волынским в активном поиске союзников в среде буддийского духовенства ханства?

На наш взгляд, А.П. Волынский, обладая к августу 1724 г. определенной информацией о внутренней иерархии буддийской общины, привлекал на сторону российского правительства наибольшее количество влиятельной части духовенства, сохраняя ориентацию на верховного ламу. Взаимодействие с Шакур-ламой в данный

период становится настолько интенсивным, что не было причин для стимуляции его дополнительной политической активности.

Наиболее значимыми проблемами российского правительства в Калмыцком ханстве в конце августа 1724 г. оставались: сохранение опасности откочевки значительной части владельцев за Дон и определение личности потенциального претендента на ханский титул. Российское правительство, заинтересованное в сохранении стабильности на Нижней Волге и в установлении политического контроля над калмыцкими улусами, активизирует деятельность по предотвращению откочевки и организации избирательного съезда владельцев. В противовес крупной политической группировке Дарма-Балы и Дондук-Омбо, ориентированной на откочевку на Кубань, правительство оказывало активное содействие группировкам Шакур-ламы, Ямана и владельцу Доржи Назарову как потенциальному претенденту на ханский титул. Фактически оставшись в меньшинстве, Шакур-лама пытается повлиять на ситуацию в ханстве силой авторитета и традиций. Именно на авторитет Шакур-ламы как главного духовного лица рассчитывала российская администрация, стремившаяся избежать прямого военного воздействия на владельцев для решения основных политических задач. Об угрозе военных столкновений свидетельствует инструкция, полученная С.П. Шахматовым от астраханского губернатора перед встречей с Шакур-ламой 16 августа 1724 г., – о необходимости предотвращения откочевки дипломатическими методами, подразумевая угрозу столкновения с российскими войсками [6, л. 74].

Вероятно, исчерпав возможности прямого влияния на Церен-Дондука, Шакур-лама при выборах хана использует российскую администрацию как инструмент давления на оппозиционеров. При встрече с С.П. Шахматовым в конце августа 1724 г. Шакур-лама советует более настойчиво проводить переговоры с Церен-Дондуком и Дарма-Балой, предупреждая откочевку [6, л. 88].

Выступая как традиционалист, Шакур-лама на данном этапе продолжает политическое сближение с российским правительством, стремясь предотвратить крупные междоусобные и военные столкновения с российскими гарнизонами «Царицынской линии». Именно как попытку предотвращения дальнейшей конфронтации можно расценить сообщение Шакур-ламы о планах организованной откочевки крупной группировки калмыцких владельцев во главе с Дондук-Омбо и Дарма-Балой в конце августа 1724 г. [6, л. 96].

Основным итогом политических процессов, происходивших с июня по август 1724 г., становится раскол светской элиты ханства, первоначально объединенной идеей откочевки. Это можно расценить как победу традиционалистов и лично Шакур-ламы, ориентирующихся на сохранение Калмыцкого ханства в пределах Российской государственной системы.

Реализуя основную цель внутренней политики российского правительства в Калмыцком ханстве – избрание политически предсказуемого главы ханства, астраханский губернатор активизирует подготовку к съезду владельцев в начале сентября 1724 г.

В переписке губернатора с Шакур-ламой определяется фигура претендента, первоначально отвергнутого российским правительством, но активно продвигаемого Шакур-ламой в течение лета 1724 г. – старшего сына хана Аюки Церен-Дондука.

Основным политическим условием, выдвинутым российским правительством в ответ на предложение Шакур-ламы, становится активное влияние и контроль над политикой претендента со стороны верховного ламы. В ответном письме Шакур-ламы губернатору от 6 сентября 1724 г. подтверждаются основные положения инструкции губернатора – «...он (Шакур-лама) его Церен-Дондука от всяких противностей воздерживать будет и приводить к тому, чтобы он Его Императорскому Величеству верил» [6, л. 111].

Сентябрь 1724 г. стал апофеозом политической активности Шакур-ламы. В начале месяца состоялась личная встреча астраханского губернатора с представителями калмыцкого духовенства во главе с Шакур-ламой и Намка-гелюном. На ней Шакур-ламе вручили императорскую грамоту, значительно поднявшую его статус, тем самым определив приоритеты российской администрации.

В ходе консультаций с Шакур-ламой А.П. Вольнским принимается окончательное решение о кандидатуре наместника в лице Церен-Дондука, заключается соглашение о контроле над внутривластной деятельностью главы ханства со стороны российской администрации через Шакур-ламу как ближайшего советника наместника. В создавшейся ситуации, когда российская администрация определилась с фигурой главы ханства, заручившись поддержкой значительной части духовенства и обеспечив определенную легитимность процедуре интронизации, оппозиция могла вмешаться только в организационную часть выборного процесса. При значительном противодействии светской элиты кандидатуре Церен-Дондука именно вмешательство духовенства в значительной степени помогло реализации политических планов российского правительства.

Итогом переговоров А.П. Вольнского и Шакур-ламы стало подписание присяги Церен-Дондуком 20 сентября 1724 г. Интересен ритуал принятия присяги. Так описывается эта процедура в «Журнале» А.П. Вольнского: «Сия моя присяга, полагаю на чело мое Шакьямуни бурхана и прилагаю мою печать [подчеркнем, что к присяге была приложена печать Шакур-ламы, так как ханская печать оставалась у ханши Дарма-Балы – А.К.]. И клал ему бурхана Шакур-лама на голову и вместо его подписал Шакур-лама для того, что он Черен-Дондук писать не умеет» [2, л. 2 об].

Тактика, избранная А.П. Вольнским в 1724 г., оправдала себя. Конструктивный взаимовыгодный контакт с духовенством дал положительный результат и был оценен Коллегией иностранных дел. За активное сотрудничество с российским правительством указом от 22 февраля 1725 г. Шакур-лама получил грамоту с похвалой, 200 червонных и на 600 рублей «мягкой ружляди», что по стоимости равнялось подаркам наместнику [5, с. 53]. Взаимодействие А.П. Вольнского и Шакур-ламы создало прецедент сотрудничества российского правительства и буддийского духовенства, которое позднее становится еще более продуктивным.

Библиографический список

1. *Архив* внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ). – Ф. 119, оп. 2, кн. 1.
2. *АВПРИ*. – Ф. 119, оп. 4, д. 12.
3. *АВПРИ*. – Ф. 119, оп. 1, д. 12.
4. *АВПРИ*. – Ф. 119, оп. 1, д. 2.
5. *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов / В. М. Бакунин. – Элиста, 1995.
6. *Национальный архив* Республики Калмыкия (НАРК). – Ф. 36, оп. 1, д. 15.
7. *НАРК*. – Ф. 36, оп. 1, д. 18.
8. *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков / Н. Н. Пальмов. – Астрахань, 1926. – Ч. 1.
9. *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков / Н. Н. Пальмов. – Астрахань, 1929. – Ч. 3.
10. *Попов Н. А.* Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия / Н. А. Попов. – М., 1861.
11. *Соловьев С. М.* Сочинения / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1993. – Т. 17–18, кн. 9.
12. *Цюрюмов А. В.* Политическое положение Калмыцкого ханства в 20–30-е годы XVIII века // VII Международный конгресс монголоведов : докл. российской делегации. – М., 1997. – С. 87–89.